

Г Л А В А III.

Аустерлицъ и Стрѣльна.

Походъ въ Австрійскія владѣнія.—Аустерлицкая битва.—Достопамятныя слова Цесаревича.—Аттакя уланскаго полка.—Отзывы о ней французскихъ писателей.—Почести, отданныя полку русскою арміей.—Возвращеніе въ Россію и прибытіе полка въ Стрѣльну.—Награды.—Стрѣльна того времени.—Уланская жизнь и проказы.—Отношенія къ другимъ полкамъ.—А. С. Чаликовъ.—Характеръ отношеній Цесаревича къ полку.—Старый Тортусъ.

3-го августа 1805 года уланы Цесаревича, оставя въ Сквирѣ запасный эскадронъ, двинулись изъ Махновки въ Брестъ-Литовскъ, а изъ Бреста, черезъ Радомъ и Краковъ, на Тропау и далѣе къ Ольмоцу. Походъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что былъ совершенъ при соблюденіи самой строгой дисциплины и образцоваго порядка. Казалось, будто полкъ идетъ не на войну, а на парадъ, и такимъ же точно образомъ сломала этотъ походъ и вся русская гвардія, о чемъ впоследствии не разъ съ похвалою отзывался Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

15-го ноября русскіе вмѣстѣ съ австрійцами начали наступательныя дѣйствія и двинулись противъ непріятеля пятою колоннами. Уланы находились въ составѣ пятой колонны, отданной подъ начальство князя Лихтенштейна.

20-го ноября надъ окрестностями Аустерлица взошло великолѣпное, блистательное солнце—и въ восьмомъ часу утра раздался первый боевой выстрѣлъ. Нечего говорить о слишкомъ извѣстныхъ подробностяхъ этого дѣла, проиграннаго нами благодаря

безтолковости австрійскихъ теоретиковъ. Мы расскажем только о томъ эпизодѣ, въ которомъ принялъ непосредственное участіе полкъ Цесаревича.

Колонна князя Лихтенштейна, будучи задержана на пути своемъ другими войсками, не попала въ время на назначенное ей мѣсто и нашла его уже во власти французовъ, а полки нашей гвардіи (тоже не попавшіе куда слѣдовало) въ полномъ отступленіи, при весьма большомъ уроиѣ. Французы выдвинули противъ нихъ стрѣлковъ и цѣлый рядъ батарей, открывшихъ жестокий огонь по отступавшимъ гвардейцамъ. Въ эту-то критическую минуту прибылъ на-рысяхъ отрядъ Лихтенштейна и примкнулъ къ лѣвому флангу гвардіи. Цесаревичъ, обрадованный прибытіемъ сильнаго подкрѣпленія, прискакалъ къ своему полку, шедшему впереди прочихъ, поздоровался съ людьми, обнялъ и поцѣловалъ Меллеръ-Закомельскаго и, обратясь ко фронту, сказалъ:

— Ребята! Помните, чье имя вы носите! Не выдавай!

— Ради умереть! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ—и сдержали слово.

Противъ насъ двигалась въ сомкнутой колоннѣ цѣлая конная дивизія Келлермана, поддержанная съ обонхъ фланговъ сильною пѣхотой и артиллеріей. За этою конницею выстроены были нѣсколько баталіоновъ легкой пѣхоты со своими батареями.

Не дожидаясь построенія къ бою австрійской кавалеріи, храбрый Меллеръ первымъ кинулся на непріятеля въ атаку. Уланы, возбужденные къ отважному подвигу присутствіемъ и словами Цесаревича, съ крикомъ *ура!* стремглавъ понеслись за своимъ командиромъ и опрокинули всѣ три линіи французскихъ всадниковъ. Цѣлая дивизія дала тылъ предъ однимъ полкомъ. Конные егеря и гусары Келлермана, проскакавъ назадъ черезъ интервалы между кареями французской пѣхоты, построились за своими орудіями. Уланы бросились на пѣхоту и, не взирая на жестокий ружейный огонь, пробившись сквозь нее и палетѣли на артилле-

рію, встрѣтившю ихъ картечью. Но и это не удержало геройскаго порыва полка! Завязалась рубка съ артиллерійскою прислугой и дѣло дошло до жестокой рукопашной схватки. Нѣкоторые уланы, лишиась лошадей, бросались и́ше съ саблею въ рукѣ на артиллеристовъ, оборонявшихся тесаками и банниками. Прикрытіе пришло въ безпорядокъ, и хотя съ обѣихъ сторонъ ожесточеніе равнялось мужеству, но тутъ уже сомкнутый фронтъ нашего полка поневолѣ разстроился; все смѣшалось въ кучу— свои и чужіе, люди дрались или въ одиночку, или же небольшими группами, да и кромѣ того, донскія лошади, неспособныя къ мундштуку, закусивъ удила, заносили множество всадниковъ въ середину непрітелей. Но эта отчаянная, лихая атака не была поддержана остальною кавалеріей Лихтенштейна, точно также какъ и впослѣдствіи, двадцать-пять лѣтъ спустя не была поддержана подобная же атака барона Мейндорфа и нашего полка подъ Прагою. Послѣдствія же какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вышли совершенно одинаковыя.

Генераль Келлерманъ, тотъ самый, котораго считали рѣшителемъ сраженія при Маренго, видя, что уланы уже не могутъ сопротивляться фронтомъ, бросился на нихъ со всѣхъ сторонъ со своими тремя конно-егерскими полками. Неравный бой продолжался недолго—уланы дали тылъ, и тутъ-то приняла ихъ въ ружейный огонь съ обохъ фланговъ та самая пѣхота, сквозь которую они проскакали нѣсколько времени прежде. «*Ils réchèrent dans cette affaire par excès de courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire*» ¹⁾. Таковъ былъ отзывъ о нихъ со стороны самихъ французовъ, и отзывъ совершенно правдивый, такъ какъ, дѣйствительно, вся бѣда, не только Уланскаго Его Высочества полка, но и всей русской арміи произошла отъ избытка храбрости и неопытности. Только одна половина

¹⁾ Т. е. «они погрѣшили въ этомъ дѣлѣ отъ избытка храбрости и отъ незнанія военнаго дѣла», въ сущности отъ неопытности. См. Dumas «*Précis des événements militaires*» т. XIV, р. 181.—Combats etc. т. III, р. 317.

одного изъ лучшихъ полковъ русской арміи ¹⁾ успѣла повернуть коней и въ разсыпную примкнуть къ войскамъ князя Багратиона, да и то примкнуло ихъ не болѣе двухсотъ человѣкъ, остальное же или легло на мѣстѣ, или разсѣялось въ разные стороны, не зная гдѣ соединиться. Французы преслѣдовали уланы съ ожесточеніемъ, артиллерія громила ихъ картечью, а пѣхота провожала роями пуль. Генераль Меллеръ-Закомельскій выказалъ блистательную храбрость и, быть можетъ, спасъ бы полкъ, если бы не былъ раненъ въ самую критическую минуту. Находясь все время впереди полка, онъ первый окрасилъ кровью свою саблю, какъ вдругъ пуля ударила ему въ грудь и скользнула по Владимірскому кресту. Ударъ отозвался спазмомъ въ груди и захватилъ ему дыханіе. Въ это мновенье на него наскочили французскіе всадники и стали рубить. Нѣсколько уланскихъ офицеровъ защищали до послѣдней крайности своего командира, но сила одолѣла мужество, и они были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ Меллеромъ.

Въ этотъ достопамятный день полкъ потерялъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 28 офицеровъ, 680 солдатъ и столько же лошадей.

Цесаревичъ все время былъ свидѣтелемъ этой молодецкой атаки. По окончаніи боя, онъ подъѣхалъ къ своимъ уланамъ, поблагодарилъ оставшуюся горсть полка за блистательную храбрость, скомандовалъ ей налѣво и повелъ по фронту пѣхоты съ праваго фланга на лѣвый. Но мало того: Его Высочество приказалъ остальнымъ полкамъ салютовать, а пѣхотѣ взять «накраулъ», чтобы воздать такою почестью благодарность храброму полку за его беззавѣтный, самоотверженный подвигъ ²⁾.

Послѣ сраженія, ночью, многіе уланы, захваченные въ плѣнъ,

¹⁾ «Le régiment des Uhlans du grand duc Constantin, l'un des plus beaux de l'armée russe».—Dumas, т. XIV, р. 280.

²⁾ С. Гавловскій, ч. II, стр. 6.

пользуясь темнотою, толпами бѣжали изъ французскаго лагеря и, пробираясь лѣсными чащами, старались какъ-нибудь примкнуть къ своей отступающей арміи.

Въ темную ноябрьскую ночь русскія войска начали свое отступление по дорогѣ въ Венгрію, а императоръ Францъ вскорѣ вступилъ въ переговоры о мирѣ, заключивъ 26-го ноября предварительное перемиріе съ Наполеономъ.

Уланскій полкъ собрался въ Краковѣ, въ числѣ трехсотъ человѣкъ. На пути и при распредѣленіи частей арміи по квартирамъ, прибыло въ полкъ еще до полутораста, остававшихся въ госпиталяхъ или спѣшенныхъ уланъ, изъ тѣхъ что успѣли кое-какъ примкнуть по дорогѣ къ пѣхотнымъ полкамъ и отдѣльнымъ командамъ. Во время стоянки въ Краковѣ получено было Высочайшее повелѣніе, чтобы уланскій полкъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ гвардіей въ Петербургъ, куда и прибылъ онъ подъ командою полковника Чаликова, 7 апрѣля 1806 года, расположась дивизіонами въ Гатчинѣ, Красномъ Селѣ, Петергофѣ и Петербургѣ. Штабъ-квартира полка назначена была Цесаревичемъ въ собственномъ его имѣніи—*Стрѣльной мызѣ*. Здѣсь уже утверждёнъ былъ полковымъ командиромъ полковникъ Чаликовъ; и полкъ началъ комплектоваться офицерами и солдатами. Цесаревичъ самъ непосредственно занялся устройствомъ, преобразованиемъ и обученіемъ полка. Нѣсколько прежнихъ офицеровъ переведены въ другія кавалерійскія части, а на мѣсто ихъ выбраны Ею Высочествомъ новые. Служба была не легкая, потому что надлежало и занимать караулы въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Гатчинѣ, и ежедневно ходить двумъ очереднымъ эскадронамъ въ Петербургъ для содержанія разѣздовъ, и въ то же время обучать солдатъ, и смотрѣть за выѣздкою лошадей, и заниматься иѣвшимъ строемъ. Ею Высочество самъ входилъ во все подробности.

Межъ тѣмъ и Аустерлицкій подвигъ не остался безъ награды. Приобрѣтя себѣ славу храбраго полка, уланы Цесаревича, чрезъ

нѣсколько дней по прибытіи на новую стоянку, удостоились получить за отличіе серебряныя трубы съ орлами (числомъ 24), и весь Петербургъ встрѣчалъ ихъ, когда гвардейскія войска вступали въ сѣверную столицу ¹⁾).

Стрѣльня въ тѣ годы далеко не была такою, какою мы знаемъ ее въ настоящее время. Петергофская дорога только до колоніи Автово была застроена дачами, а далѣе шель пустырь. Въ Стрѣльнѣ однако существовалъ уже дворецъ, госпиталь и деревянные казармы, но самая слобода представляла рядъ убогихъ избушекъ, гдѣ едва можно было найти одну комнату въ наймы. Нѣсколько домишекъ принадлежало тамъ старымъ служителямъ Цесаревича Константина да отставнымъ унтеръ-офицерамъ конной гвардіи, которые получали пенсіонъ и вспоможеніе отъ Его Высочества. Въ этихъ-то избушкахъ и ютились кое-какъ уланскіе офицеры. На счетъ развлеченій въ Стрѣльнѣ было скудно. Существовалъ тамъ единственный трактиръ на почтовой станціи, куда собирался весь народъ, любившій, по выраженію нашего полковника, графа Гудовича, «сушить хрусталь и попотѣть на листѣ». Тутъ, по свидѣтельству современника ²⁾, засѣдалъ «безсмѣнный совѣтъ царя Фараона», гдѣ отъ одного утра до другаго

Глули — Богъ ихъ прости —

Отъ пятидесяти

На сто,

т. е. метали банкъ, что въ тѣ времена еще не было запрещасмо. Хотя полкъ и былъ разбросанъ на тридцати верстахъ разстоянія, но всѣ офицеры видались между собою часто, такъ какъ центромъ полковой службы и жизни была все-таки Стрѣльня. Эскадронные командиры, слѣдуя армейскому обычаю, всегда держали откры-

¹⁾ Ibid. стр. 7.

²⁾ О. Булгаринъ. «Воспоминанія» т. II, стр. 280.

тый столъ для своихъ холостыхъ офицеровъ, и молодежь жила между собою дружно, по-братски, безъ фанфаронства и чванства: Изъ Стрѣльны и изъ Петергофа нельзя было ѣздить въ Петербургъ иначе, какъ только съ разрѣшенія Его Высочества, при чемъ выдавался билетъ за его собственноручною подписью. Это обстоятельство и служило всегдашнимъ камнемъ преткновенія для молодыхъ офицеровъ. Проситься въ Петербургъ можно было только по очереди, и то въ свободное время и не слишкомъ часто—обстоятельства, которымъ молодежь подчинялась не безъ труда, тѣмъ болѣе, что жажда удовольствій магнитомъ притягивала къ столицѣ: то на русскомъ театрѣ даютъ «Эдипа въ Афинахъ» или «Фингала»—трагедію съ хорами, балетами и сраженіями, то примадонна Манджолетти поетъ въ итальянской оперѣ, то чудная красавица Данилова танцуетъ въ волшебномъ балетѣ, то маскарадъ у Фельета, или балъ въ знакомомъ домѣ—все это влекло сердца и мысли къ Петербургу, — и вотъ, отслуживъ день, уланская молодежь на тройкахъ мчалась къ вечеру «въ городъ», часто безъ сирова. Удалось — хорошо; а узнали или увидѣли — на гауптвахту!

Въ особенности была въ то время у нашихъ молодыхъ повѣсь великая страсть къ такъ-называемымъ «гроссъ-шкандаламъ» съ нѣмцами. Петербургскіе бюргеры и ремесленники любили повеселиться со своими семействами въ трактирахъ на Крестовскомъ островѣ, въ Беатерингофѣ и въ Красномъ кабачкѣ. Уланская молодежь ѣздила въ эти мѣста какъ на охоту. Начиналось обыкновенно съ того, что заставляли дюжихъ мамонскъ и тетушекъ вальсировать до упаду, потомъ подманвали мужчинъ, наконецъ затыгивали хоромъ нѣспю: «Freu't euch des Lebens», унирая на слова «Pflücke die Rose», — и пошло волокитство, а въ концѣ концовъ, обыкновенно, слѣдовала генеральная баталія съ нѣмцами. Послѣ кутежа всю ночь на-пролетъ, уланскія тройки разлетались въ разныя стороны, и къ десяти часамъ утра ночные повѣсы — какъ ни въ чемъ не бывало — всё уже

присутствовали на разводѣ, — кто въ Петербургѣ, кто въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ. Черезъ нѣсколько дней обыкновенно приходили въ полкъ жалобы, и виновные тотчасъ же сознавались, по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Лгать было стыдно, да и Цесаревичъ не переносилъ никакой лжи и презиралъ лжецовъ. На полковой гауптвахтѣ частенько-таки бывало тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ.

Въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ господствовалъ тогда особый духъ и тонъ. Офицеры этихъ трехъ полковъ принадлежали къ высшему обществу, отличались изяществомъ манеръ, утонченною изысканностью и вѣжливостью въ отношеніяхъ между собою, многіе были прекрасно и разносторонне образованы, и большинство владѣло французскимъ языкомъ гораздо лучше чѣмъ русскимъ. Офицеры же другихъ полковъ показывались въ обществѣ только по временамъ и, такъ сказать, налѣтами, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь на распанку. Конно-гвардейскій полкъ держался нейтрально, соблюдая смѣшанные обычаи. Но за то лейбъ-гусары, лейбъ-казаки, измайловцы и лейбъ-егеря жили по-армейски и слѣдовали тому духу беззавѣтнаго удалства, который являлъ собою главнѣйшую черту военного характера этой эпохи и столь ярко и вдохновенно выражался въ стихахъ Дениса Давыдова. Уланы всегда сходились по-братски съ этими послѣдними полками, но въ особенности дружили они съ флотскими офицерами и часто съѣзжались съ ними то въ Стрѣльнѣ, то въ Кронштадтѣ.

«Вся армія, — говоритъ современникъ: — одушевлена была тѣмъ же духомъ молодчества, и во всѣхъ полкахъ были еще Суворовскіе офицеры и солдаты, покоровшіе съ нимъ Польшу и прославившіе русское имя въ Италіи. Славное было войско, и скажу по справедливости, что Уланскій Его Высочества Цесаревича Константина Павловича полкъ былъ однимъ изъ лучшихъ полковъ по устройству и выбору людей, и по тогдаш-

нему духу времени превосходилъ другіе полки въ молодечествѣ. — Страшно было задѣть улана!» ¹⁾).

Стрѣльнинская слобода биткомъ была набита кавалерійскимъ офицерствомъ. По званію генераль-инспектора кавалеріи, Цесаревичъ устроилъ у себя нѣчто въ родѣ учебнаго эскадрона, куда изъ каждаго полка обязательно присылалось по одному штабъ и по два оберъ-офицера «для узнанія порядка кавалерійской службы». Обыкновенно, изъ полковъ высылаемы были лучшіе офицеры, и потому въ Стрѣльнѣ сталкивалось тогда самое пріятное и самое веселое военное общество. Здѣсь завизывалась дружба и общее товарищество, которыя для многихъ и многихъ продолжались неизмѣнно всю жизнь, и уланы, какъ по преимуществу мѣстные обитатели, служили главнымъ связующимъ звеномъ въ товариществѣ между всѣми остальными офицерами.

Душою полковаго офицерскаго кружка былъ полковой командиръ Антонъ Степановичъ Чаликовъ, который имѣлъ обыкновеніе называть своихъ офицеровъ «фонтѣрами-понтѣрами» — названіе, происшедшее, вѣроятно, изъ ихъ пристрастія къ «совѣту царя Фараона». Это были слова, которыя не сходили у Чаликова съ языка, но впоследствии, когда его произвели въ генераль-маіоры, Антонъ Степановичъ сдѣлалъ къ нимъ реноманное добавленіе: «Фонтеры-понтеры, дери-дѣромъ, — Чаликовъ генераль-маіоромъ!»

«Предобрый, прелюбезный, пресвеселый и презабавный человекъ былъ Чаликовъ!» читаемъ мы о немъ въ «Воспоминаніяхъ» его однополчанина и подчиненнаго: — ²⁾ «Онъ жизнь принималъ какъ шутку, въ самыя серіозныя дѣла умѣлъ вплестъ острое слово, и хотя на глазахъ Его Высочества не легко было управлять полкомъ, и при томъ такимъ лихимъ, каковъ былъ нашъ полкъ, Чаликовъ умѣлъ кстати вытерпѣть и кстати отшутиться,

¹⁾ Ibid, стр. 156.

²⁾ Ibid, т. III, стр. 96.

и пользовался всегда благосклонностью Его Высочества. Офицеры искренно любили Чаликова, потому что онъ былъ человѣкъ добродушный и снисходительный, и когда только могъ, всегда защищалъ своихъ уланъ предъ Его Высочествомъ, выручалъ изъ бѣды и самъ *никогда* не жаловался.

— «Вы, сударь, сегодня не были у развода, говорилъ Чаликовъ офицеру.

— «Виноватъ, заснулъ!

— «Стыдно, сударь! Чтобъ впредь этого не было, а не то насидитесь на гауитвахтѣ... Фонтеры-понтеры, дерн-дѣромъ, — Чаликовъ генераль-майоромъ!..

«Отвернулся—и дѣло кончено».

Но при всемъ удалствѣ, при всѣхъ шалостяхъ, офицеры не забывали службы, которая между ними почиталась первымъ и святымъ дѣломъ. И самъ Цесаревичъ, видя, что его офицеры знаютъ свое дѣло и любятъ службу, по большей части смотрѣлъ снисходительно на ихъ молодыя увлеченія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ шалостяхъ и увлеченіяхъ сказывался только духъ веселаго и лихаго удалства, но отнюдь ни чего-либо маломальски грязнаго и недостойнаго. Подобнаго безчестія ни начальство, ни товарищи не потерпѣли бы въ полку ни одной минуты.

Отношенія Великаго Князя къ своему полку носили на себѣ характеръ скорѣе родственно-семейный, чѣмъ начальственный. Достаточно вспомнить хотя бы старика Тортуса. Этотъ Тортусъ—человѣкъ уже лѣтъ шестидесяти и прегорькій пьяница, занималъ въ полку мѣсто ветеринарнаго врача, а по тогдашнему «старшаго коновала», и между офицерствомъ извѣстенъ былъ подъ именемъ философа Діогена. Причина этого прозвища заключалась въ томъ, что Тортусъ обращался ко всѣмъ и каждому исключительно *на ты* и имѣлъ обыкновеніе говорить въ глаза голую правду, не стѣсняясь высказывать ее на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ даже самому Цесаревичу. Тортусъ любилъ выражаться афоризмами, иногда въ римомъ, и Великій

Князь не разъ, бывало, забавлялся шутками старика-оригинала. Когда Тортусу показывали больную лошадь, которая по всѣмъ признакамъ казалась ему неизлечимою, онъ, махнувъ рукой, говорилъ: «собакамъ мясо!» и уходилъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Однажды Его Высочество, приѣхавъ къ полку на бивуаки, спросилъ Тортуса:

— Хорошо ли тебѣ при полку?

— Въ твоемъ полку нѣтъ толку! произнося съ удареніемъ на букву о и махнувъ рукою, отвѣчалъ голодный Тортусъ.

Въ другой разъ Цесаревичъ похвалилъ его за отличную операцію надъ хромою лошадыю.

— Поманшъ хвали, и полючшъ корми! проворчалъ ему на это старикъ—и Великій Князь велѣлъ накормить его до сыта и напоить до пьяна въ своей квартирѣ.

Но однажды Его Высочество за что то сгоряча постращаль Тортуса палками.

— Будешъ бить коноваль съ палками, такъ самъ станешъ бѣдить на палочка! поучительнымъ тономъ замѣтилъ ему на это Тортусъ и — замѣчательная черта! — Константинъ Павловичъ никогда не сердился на старика за его оригинальныя выходы. ¹⁾

¹⁾ Ibid. стр. 170.